

ческие настроения, но для Розенберга это было естественное состояние». Одно это уже даёт почувствовать стиль его пророчеств.

1.4. Основное понятие автора

Хотя Розенберг считался официальным философом расизма, хотя слово «раса» повторяется у него чуть ли не на каждой странице, нигде он не даёт этому слову никакого внятного определения. Впрочем, этого не смог сделать ни один расист ни до, ни после него. И понятно, почему. Ведь научные термины требуют предельной ясности, проверяемости, у них есть чёткие критерии, позволяющие каждый раз строго определить: «вот это — А, а вот это — уже не А». Именно поэтому для идеологии они не подходят. Идеологические понятия — преднамеренно зыбкие, чтобы ими было удобно маневрировать. «Раса» — буквально «ветвь» человечества, а в каком смысле ветвь — всяк волен толковать по-своему. Если бы мы попросили расиста дать чёткое научное определение расы, суть ответа в конечном счёте свелась бы к фразе щедринского графа Твэрдоонто: «ну как вы сами не понимаете?». Поэтому даже физическая антропология, в которой термин «раса» употреблялся даже в советской литературе, в последнее время стремится заменить его более определённым понятием «морфотип» (Казанков 2002: 174 и др.). Оно, по крайней мере, чётко указывает, что речь идёт лишь о морфологических (физических, телесных) признаках разных людей — и ни о чём больше.

На протяжении книги (особенно первой части) не раз перечисляются конкретные расы: арийская (нордическая), средиземноморская, альпийская, динарская¹⁸, восточно-балтийская. Эти типы выделил ещё Г. Ф. К. Гюнтер в книге *«Расология немецкого народа»* (2-е изд. — 1924 г.). Заметим, что «расовый Гюнтер», как его прозвали, был филологом и фольклористом, к расовым исследованиям он обратился лишь по просьбе мюнхенского издателя Ю. Лемана — после того, как серьёзный антрополог Р. Мартин (основатель антропометрии) отказался участвовать в издательских планах такого рода (Колчинский 2007: 363). При этом именно Гюнтер, заимствовав у Ж. Деникера физическое описание нордической расы, дополнил его психологической характеристикой:

«Представители нордической расы были мужественными, совестливыми, преданными долгу, правдивыми, законопослушными, сдержанными, умеренными, осторожными, предусмотрительными, сердечными, неэмоциональными, бесстрастными, склонными к самоубийству, недоверчивыми, чистоплотными¹⁹, энергичными, трудолюбивыми, деловитыми, великодушными, самоотверженными, настойчивыми, суровыми, жестокими, миролюбивыми и т. д. Как видно из этого неполного перечня, не всегда его характеристики согласуются друг с другом, но лживость, бессовестность, преступность, интриганство, плутовство, краснбайство, скрытность, трусость, лень, озлобленность, жадность, грубость, гипертрофированная сексуальность, экзальтированность, нерешительность, бездушие, эгоизм, мелочность, созерцательность и другие отрицательные для него качества в разной пропорции были распределены между остальными расами» (Колчинский 2007: 364).

¹⁸ Динар — нагорье в Боснии и Хорватии.

¹⁹ Как мы дальше убедимся, в основе этого описания лежит нравственный кодекс аристократии. Исследовавшая его М. Оссовская (1987: 111 и др.) показала, что как раз чистоплотность была чужда «благородному сословию». Известно, например, что даже регулярное мытьё рук распространилось среди рыцарей лишь в эпоху крестовых походов, в подражание арабам.

Отметим по ходу, что «архаичный расизм гюнтеровского толка, с его резким противопоставлением северных немцев южным, оказался не совсем уместным» (Клейн 2000: 125) в преддверии войны, потребовавшей как раз национальной консолидации. К концу 1930-х гг. пропагандистские акценты были переставлены, и на смену «агитаторам и горланам» расизма пришли их более академичные единомышленники. Так, в первобытной археологии последователям Г. Косинны, перенесшего в свою область идеи Г. Ф. К. Гюнтера, пришлось потесниться в пользу К. Шухардта, который «был лишь обстоятельнее, осторожнее и вежливее Косинны» (там же).

Иными словами, и эта идея у Розенберга — не своя. Но уже здесь заметно, как обращается он даже с соратниками: нигде не упоминает, что эта классификация рас — по Гюнтеру (всего лишь единожды упоминает его с похвалой, но совсем в другом месте и по другому поводу), и даже не знает, что в третьем издании своей книги Гюнтер выделил ещё две расы — фальскую и судетскую (там же)²⁰. Недоказанная гипотеза, только что выдвинутая другим автором (к тому же дилетантом в сфере, за которую он взялся), подаётся без ссылок как нечто само собой разумеющееся. Между тем так можно сослаться только на факты, доказанные так давно и так убедительно, что ссылка уже не требуется: например, что Земля вращается вокруг Солнца или что живые организмы состоят из клеток.

Всё это, однако, — европейцы (менее 20% человечества). О других морфотипах — монголоидном, негроидном — упоминается вскользь и без всякого анализа: мол, с ними всё ясно. Что же касается конкретных различий между европейцами по типу физической конституции, то даже Ж. Ваше де Ляпуж и О. Аммон не смогли их обосновать, хотя и собрали массовый антропометрический материал.

Судя по тексту, для Розенберга раса — прежде всего психологический тип. Они характеризуются прежде всего набором ценностей, стереотипами поведения, социальными системами, всем, что включается в понятие «расовой души», вплоть до утверждения: «Личность рождается вместе с расой и вместе с нею умирает» (Rosenberg 1934: 34). Расам даются весьма краткие характеристики: «в малой мере культурно-творческая, но одарённая сильным темпераментом динарская раса» (Rosenberg 1934: 86); «тёмная альпийская раса», «это альпийское влияние, смыывающее всё великое», «страшные признаки альпийского перерождения общеевропейской жизни» (там же); «альпийское бессилие многих марксистских вождей» (Rosenberg 1934: 103), «одарённая многими поэтическими дарованиями восточно-балтийская раса» (Rosenberg 1934: 113). Заметим, что о физико-антропологическом типе речь вообще не идёт. Весь этот набор считается наследственным и жёстко закреплённым.

Может показаться странным, что теоретически автор перечисляет так много рас, но в конкретных вопросах всё сводит к борьбе только двух или трёх. Однако в рамках его мифологической концепции это понятно: только одной расе принадлежит ведущая («творческая») роль, все остальные способны только подчиняться и нуждаются в «варягах»:

«Поэтому, если даже сегодня, примерно через 2000 лет после выступления германцев, где-нибудь действуют национальные культуры, творческая сила и дерзкая

²⁰ Л. С. Клейн (2000: 110) указывает, что Гюнтер переименовал альпийскую расу в динарскую, а средиземноморскую — в западную. Тем не менее у Розенберга упоминаются как альпийская, так и динарская расы, причём их характеристики не совпадают (см. далее).

предприимчивость, то эти силы, даже если они столь враждебны друг другу, обязаны своим существованием исключительно новой северной волне, которая обошла всю Европу своими бурными и плодотворными приливами, которая омывала подножия Кавказа, разбивалась о Геркулесовы Столбы, чтобы исчезнуть только в пустынях Северной Африки» (Rosenberg 1934: 83).

Поэтому основное содержание истории по Розенбергу — не борьба *между* расами, а борьба одной расы (возглавляющей все прочие) против двух разных принципов расового смешения (Mischlung). Но какого рода может быть это арийское «творчество»? Ведь Розенберг не признаёт никакого прогресса — не только научно-технического, но и социального, нравственного или какого иного. Упадок — это да, об упадке он говорит часто и по разным поводам. Но ни единое событие не рассматривается им как путь *вверх*. Для мифологического сознания это естественно: оно консервативно по своей природе, его задача — охранять какую-то существующую форму жизни (какую в данном случае — увидим позже). Поэтому оно знает только одно идеальное состояние, которое либо уже есть, либо когда-то было. Всё остальное для него — упадок.

1.5. «Избранная раса»

Итак, раса, находящаяся в центре внимания автора, — арийская. Термин этот (от санскритского *arya* — благородные) был введён романтиком Ф. Шлегелем в начале XIX в. для обозначения индоевропейских народов. И, как отмечают бретонские кельтологи, основан он на непонимании:

«Расовый критерий встречается так часто в современной Европе на потребу идеологий, по большей части не имеющих ничего общего с индоевропейским наследием, именно потому, что он не поддаётся проверке. Только люди, совершенно несведущие в санскритской и индоевропейской филологии, могут называть германцев “ариями” — термином, который у индоиранцев служил исключительно для обозначения первых трёх каст в противоположность четвёртой и всем остальным, которые не включаются в структуру трехчленной идеологии. Также надо полностью пренебрегать индийской традицией, чтобы воспринимать слово *varna* “цвет” и “каста” в буквальном и конкретном смысле, не учитывая всей символики» (Гюйонварх, Леру 2001: 23).

Последняя фраза — прямое возражение очередному «прозрению» нашего автора: «Varna heißt Kaste, Varna aber heiße auch Farbe» («Варна означает касту, но варна означает также цвет» — Rosenberg 1934: 28). Этот взгляд, вопреки мнению Гюйонварха и Леру, разделял и крупный индийский историк середины XX в. К. М. Паниккар (1961: 23): «Осознание отличия их цвета кожи (первоначальное значение слова “варна” — цвет)...», хотя буквально на следующей странице он объясняет выражение «аварнья» (вневарновые касты, стоящие ниже традиционных варн) как «нецветные» (Паниккар 1961: 24), что само по себе странно. Между тем представление о социальных различиях в цветовом оформлении — весьма распространённое, но совсем в ином смысле. Так, по данным Л. Н. Гумилёва, «древние египтяне, дабы определить, кто есть кто, рисовали негров чёрными, семитов — белыми, ливийцев — коричнево-красными, себя — жёлтыми. И им, очевидно, было понятно, кто нарисован» (Гумилёв 1990: 17).

Е. И. Кычанов (1986: 11) указывает: